

УДК 39+902/904]Р571

М.П. Черная

**СИБИРСКИЙ ГОРОД КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII В.
В ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ОТРАЖЕНИИ
(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)***

Дается историографическая оценка исторического и археологического изучения городов и острогов Сибири конца XVI – XVIII в. Рассматриваются основные концепции и результаты сибирского городоведения.

Ключевые слова: *сибирский город, археология.*

Тема статьи имеет прямое отношение к имени З.Я. Бояршиновой. Прежде всего потому, что своим творчеством Зоя Яковлевна, несомненно, обогатила сибиреведение. Её наследие не ушло в почётный, но почти позабытый историографический архив, а сохраняет актуальность и востребованность. Существует и личная подоплёка. Так вышло, что на 5-м курсе я резко сменила тему: от археологии сибирских аборигенов – к русской археологии Сибири. Профессор З.Я. Бояршинова стала руководителем моего дипломного сочинения «Облик городов и острогов Сибири конца XVI–XVII в.». Эти первые шаги на новом для меня поприще развернулись в многолетнюю масштабную деятельность. С благодарностью посвящаю эту статью памяти крупного исследователя, принципиального и строгого учителя – Зои Яковлевны Бояршиновой.

Сложившиеся в современном сибиреведении основные научные направления – историческое и примыкающее к нему историко-этнографическое, археологическое – в той или иной степени занимаются городоведческой проблематикой. Специфика источников, составляющих информационную базу конкретного направления, определяет объёмы и аспекты исследования русского средневекового города Сибири.

Пионерами в изучении сибирского города являются историки, фактологический багаж которых формируют письменные данные. Поскольку обстоятельный анализ и обобщающая оценка вклада в становление и развитие сибирского городоведения досоветского периода даны Д.Я. Резуном [1. С. 143–163; 2; 3. С. 142–158; 4. С. 222–247], здесь отметим только тех учёных-путешественников и участников экспедиций XVIII в., исследования которых наиболее значимы для познания края и сибирского города: Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, П.С. Палласа, И.П. Фалька, И.И. Георги и др.

Научное наследие академических экспедиций XVIII в. формировалось при непосредственном внимательном наблюдении учёных-путешественников, что отличает его от более поздних исследований. Вклад этих учёных в изучение городов Сибири по полноте и обоснованности анализа различен, но описание ими как очевидцами того, что давно утрачено, имеет непреходящее значение. «Величайшим усердием» (Г.Ф. Миллер) участников академических

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 07-01-00103а).

экспедиций XVIII в. к новым изысканиям и открытиям была заложена научная база дальнейших исследований, в том числе и сибирского городоведения. Первостепенное значение имеет «История Сибирского царства» Г.Ф. Миллера, достойное место в которой заняли основанные русскими города. Изложенная им концепция 2,5 столетия подпитывает отечественную историографию.

С 90-х гг. XIX в. начинается новый этап в изучении сибирского города, отличительными особенностями которого были постановка программных задач по исследованию городов Сибири XVII в., расширение источниковой базы, оформление научно-исследовательского и краеведческого направлений [1. С. 148].

Н.Н. Оглоблин видел главную свою задачу во введении в научный оборот широкого круга источников, их систематизацию и углублённый анализ [5]. П.Н. Бущинский написал очерки по истории ряда городов, которые и через 100 с лишним лет остаются востребованными [6; 7; 8]. П.М. Головачёв решительно высказался за необходимость выработки программы по исследованию городов «для общего уразумения сибирской жизни в XVII в.», так как в городе, «как в фокусе, лучше всего сконцентрировались элементы сибирского общества XVII в.» [9. С. 169].

Создание источниковой базы, исторических очерков городов, постановка программных задач, нацеливающих исследователей на углублённое изучение проблем городской жизни, были серьёзным теоретическим и практическим вкладом учёных XVIII–XIX вв., обозначивших перспективу развития сибирского городоведения.

Советская историография подняла разработку городоведческой тематики на качественно новый уровень. Правда, историки запоздало обратились к проблеме возникновения и развития городов Сибири конца XVI – начала XVIII в. Следствием отставания и недостаточной изученности темы, как справедливо отмечал О.Н. Вилков [10. С. 15], явилось её отсутствие во втором томе «Истории Сибири» [11]. Кстати, уже в 1953 г. вышла в свет образцовая по глубине анализа и аргументированности статья З.Я. Бояршиновой об основании Томска, в приложении к которой она опубликовала серию документов XVII в., проработанных её самым скрупулёзным образом [12. С. 2–48].

Историческое городоведение формируется с 60-х и особенно активно в 70-х гг. XX в. Идёт интенсивное накопление и осмысление источников, публикуются тематические сборники, в которых рассматриваются различные аспекты жизнедеятельности города. По инициативе и под редакторством О.Н. Вилкова выходит серия сборников «Города Сибири» (1974–1987 гг.) [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23]. Научной базой и центром сибирского городоведения становится Институт истории, филологии и философии СО РАН СССР (г. Новосибирск).

В советском сибиреведении городская тематика существенно расширилась, глубоко стали прорабатываться вопросы причин возникновения, этапов развития сибирских городов, их типологии, социально-экономического содержания, административной, политической и культурной жизни, градо-

строительства, источниковедения и историографии, а также методологические и методические подходы к изучению города.

Считаю необходимым подчеркнуть, что при всех расхождениях дворянско-буржуазной и марксистской методологий советские историки фактически продолжили дореволюционную историографическую традицию изучения сибирского города. Было развернуто и углублено положение первостепенной значимости русских городов в исторической судьбе Сибири как опорных и регулирующих центров «заселения новых уездов русскими», высказанное зачинателем сибирского городоведения Г.Ф. Миллером [24; 25], П.Н. Буциным [6; 7; 8], П.М. Головачёвым [26; 27; 28].

Советская историография постепенно пересмотрела прямолинейный взгляд своих предшественников на эволюцию сибирского города, в том числе упрощенную трёхступенчатую схему развития от военно-административного города-острога к торговому центру и затем к развитому городу как административно-экономическому центру [29; 30]. В исторической действительности русские города Сибири в своем становлении и развитии подчинялись общим закономерностям и с момента возникновения были полифункциональны, одновременно выполняя обязанности военных, административных, хозяйственных, финансовых, культовых, культурных центров. В определенный отрезок времени какие-то функции или функция становились главными и определяли облик конкретного города [31. С. 39–42; 32. С. 132–137; 33. С. 61–68; 34. С. 154].

В силу различных географических, природно-климатических и конкретно-исторических условий русские города Сибири не могли быть одинаковыми в административно-политическом, социально-экономическом смысле. Наоборот, влияние указанных факторов объективно обусловило типологическую вариативность городов.

Около 20 крупных городов Сибири дополняли остроги – историческая форма малых городов, которые и в прошлом и сейчас составляют большинство поселений городского типа почти во всех европейских странах. Каждый крупный город возглавлял взаимосвязанную систему более мелких острогов, которые, в свою очередь, окружала сеть земледельческих, торговых, ремесленных, ямщицких слобод, а к ним тяготели заимки, погосты, деревни, села. Все вместе они составляли устойчивый территориально-демографический, социально-хозяйственный и этнокультурный комплекс поселений, воспроизводящий целостную структуру общества [4. С. 230, 231; 35. С. 11–26; 36. С. 172–176; 37. С. 3–5].

Все русские поселения Сибири – временные и постоянные, малые, средние и большие, затерянные в глуши и расположенные на главных дорогах, малозаметные с ограниченными функциями и ведущие центры с флагманскими полномочиями – на макроуровне представляли своего рода симбиоз. Города и остроги множеством нитей были связаны друг с другом, своими округами и породившей их метрополией. Посредством их взаимообусловленного сосуществования воплощался в жизнь колонизационный процесс освоения русскими Сибири.

Вместе с более полным и точным раскрытием многообразного и сложного генезиса сибирского города советская историческая наука преодолела узкое понимание города как сугубо промышленно-торгового центра с посадской общиной. Сколько ни спорили историки о деформации понятия «город», конкретно-историческая действительность оказывается куда богаче предложенных для неё формул. «Обязательному» критерию наличия посадской общины в городе не вполне соответствовал даже самый большой город России XVII в. – Москва, поскольку единой посадской организации столица не имела. К разряду городских поселений причисляли и те населенные пункты, в которых были неразвиты или слабо развиты ремесло и торговля и где не было посадского населения. И для средневекового и для современного города путь индустриализации хотя и был главным, но не единственным и даже не основным как для ряда конкретных городов, так и для определенного типа городов в целом [38. С. 29, 42, 43; 39. С. 66–83; 40. С. 22; 41. С. 5].

Точную методологическую посылку, звучащую в унисон с историческим контекстом, дал М.Г. Рабинович: «Вопрос не в том, являлся ли тот или иной указанный источниками город «настоящим», а в том, что представляло собой городское поселение в данную эпоху в данной стране, почему современники считали его городом, каковы были его основные функции, особенности разделения труда, степень развития ремесел и торговли, соотношение основных и подсобных занятий, планировка и застройка, городское хозяйство, тип жилища и одежды его жителей, каков был городской образ жизни» [42. С. 17; 43. С. 19–24]. Особенно важно для постижения города выяснить, как он осознавался самими горожанами [44. С. 15]. Без учёта этого обстоятельства велик риск модернизации исторического города, навязывания не свойственных ему критериев и, как следствие, непонимание его истинной природы.

Применительно к сибирским городам невыраженность их посадов объясняется высокой экономической активностью служилого населения, занимавшегося ремеслом, торговлей, промыслами. Развитию предпринимательства служилых людей способствовало и то обстоятельство, что утвержденная Соборным уложением 1649 г. монополия посада на торговую-ремесленную деятельность не распространялась на города Сибири. Значительный размах торгово-промышленной деятельности служилых людей дает основание для вывода о фактическом замещении служилым населением посада сибирского города. Среди сибирских служилых исследователи выделяют ремесленников, мелких товаропроизводителей и торговцев, крупных купцов, т.е. те же социальные группы, что и среди посадского населения российских городов XVII в. [45. С. 8; 46. С. 76–86; 47. С. 76–94; 48. С. 100–119; 49. С. 65–76; 50. С. 115–118, 126–131; 51].

Серьёзно продвинулись советские историки и в вопросе об аграрной стадии развития сибирского города, расширив ограниченную трактовку связи города с хлебопашеством как свидетельство необеспеченности горожан продуктами и неразвитости сибирского города вследствие слабого отделения промышленности и торговли от земледелия [11. С. 66; 52. С. 86, 87]. Существование городского хлебопашества не вело к отклонению города от развития в торгово-промышленный центр. Сельское хозяйство было первичным и

необходимым элементом социально-экономической структуры города и носило с самого начала не потребительский, а товарный характер, находилось в сфере предпринимательства. Аграрный тип города представлял многофункциональный город, доминирующей функций которого было производство хлеба на продажу. Товарное земледелие становилось промышленностью, т.е. производством товара – хлеба. В Сибири сложилось пять крупных земледельческих районов – Верхотурско-Тобольский, Томско-Кузнецкий, Енисейский, Ленский, Забайкальско-Амурский. В течение XVII в. трудом русских земледельцев Сибирь была превращена в край, обеспечивающий себя натуральной и товарной хлебной продукцией. Сельское хозяйство служило определенной гарантией существования горожан, придавало устойчивость «пашенным» сибирским городам и острогам, обеспечивая постоянный и довольно значительный приток средств в город, в том числе денежных, которые становились основой торговых капиталов и вкладывались в промышленное производство. Земледелие заложило базу для последующего роста не только торговли, но и промышленности: кожевенная, пимокатная отрасли, мыловарение, свечной промысел, мукомольное, пекарское дело, квасной промысел, винокурение [31. С. 39–42; 10. С. 16–18, 223–273; 53. С. 68–85; 54. С. 109–119; 50. С. 112–119].

Сельское хозяйство являлось важным элементом городской экономики и способствовало социально-экономическому прогрессу сибирского региона.

Формирование пашенных городов, прохождение ими аграрной стадии напрямую связаны с земледельческой колонизацией Сибири, которая зачастую ассоциируется только с крестьянством и сельскими поселениями. Однако инициаторами и организаторами пашен первоначально выступали именно города, следуя объективной необходимости и неизменным правительственным наказам. По мере появления и роста пригородной округи ей передавалась сельскохозяйственная функция. Развивалась сельская округа не сама по себе, но под постоянным «береженьем» города, его административным, экономическим, торговым протекторатом.

Сельское хозяйство городов Сибири не было ни их исключительным качеством, ни их изобретением. Сельскохозяйственные занятия присутствовали на всех стадиях развития русского феодального города. Хлебопашество, огородничество, садоводство, бахчеводство развивались в городах непрерывно, по восходящей линии, приобретая высокотоварный характер, они являлись не подсобными занятиями, а важнейшими промыслами наряду с ремеслом и торговлей [42. С. 53–64; 55. С. 129–132; 56. С. 17; 57. С. 70]. Занятия земледелием и скотоводством присущи как русским, так и западноевропейским городам, что обнаруживает значение сельского хозяйства в генезисе средневекового города.

Важным положением советского городоведения, получившим развернутое обоснование, стал тезис о первичности сибирского города по отношению к сибирской деревне. Не деревня была «матерью городов», а сибирский город порождал её. Несомненная особенность городов Сибири конца XVI – XVII в. как исходных, пионерных пунктов освоения края вместе с тем не являлась их уникальной чертой, как считали В.И. Кочедамов [58. С. 10] и раз-

деливший его мнение Д.Я. Резун [4. С. 261]. Недавно Д.Я. Резун выделил «сибирский» путь выростания городов из сёл и слобод. В Сибири этот путь, по его мнению, более рельефен и значим, чем в европейской части России [59. С. 71–92]. Однако путь формирования ряда городских поселений из слобод не отменяет тезиса о принципиальной первичности сибирского города, развитие которого и вызвало появление слобод, сёл, деревень.

Достаточно посмотреть на этот вопрос в ретроспективе [60. С. 7; 61. С. 91–92]. Если рассматривать присоединение Сибири в общем контексте многовековой российской колонизации, становится очевидным, что здесь нашел приложение весь накопленный опыт. Путь формирования городов, опережавших возникновение сельских поселений, был пройден в разных регионах России неоднократно. В Сибири этот путь стал магистральным, и процесс проходил в наиболее зрелой форме.

Не может считаться сугубо сибирской и практика строительства городов и острогов в местах проживания местного населения, на месте или рядом с туземными городками. Уже в древности некоторые города возникали как опорные пункты Руси в землях с нерусским, неславянским населением. Такими городами были, например, Белая Вежа, построенная на развалинах хазарского Саркела после взятия его Святославом в 965 г., Тмутаракань на месте хазарской Таматархи. В XVI–XVII вв. много таких городов появилось на Русском Севере, в Среднем и Нижнем Поволжье, на Урале и, наконец, в Сибири.

В целом процесс горообразования развивался не по единой «социологической формуле», но был многовариантным. Конкретные пути происхождения русских городов были разнообразны: из сельского поселения, погоста, феодального замка, пограничной крепости, промысловой слободы, торгово-ремесленного ряда, религиозного центра, слияния нескольких, различных по типу поселений, чем не отличались сколько-нибудь существенно от генезиса городов Европы и Востока [62. С. 9–13; 63. С. 32–69; 64. С. 266; 65. С. 119–126; 42. С. 19; 66. С. 23, 231]. Почти все эти пути свойственны городам Сибири конца XVI – XVIII вв.

Важнейшим по своей историко-культурной значимости и глубоко аргументированным стал вывод историков о национальном характере сибирского города. По облику и по сути города Сибири были русскими, непосредственными наследниками городов Руси. В этом первостепенном вопросе советская историография выступила преемницей дореволюционной науки.

Наиболее яркой особенностью сибирских городов был опережающий, пионерный характер их появления в крае, а также ускоренные темпы развития или, по меткому определению Н.Я. Новомбергского, «скороспелость» [67. С. 20–21]. В отведенные историей сжатые сроки города должны были врасши в сибирскую землю и как можно шире раскинуть сеть подначальных поселений.

Когда бы и где, при каких обстоятельствах и в каких условиях ни возникали и существовали города, они нерасторжимо были связаны с процессом развития Русского государства, играя в нем роль экономических, социальных, политических, культурных лидеров, в чем проявилась общность их ис-

торических судеб. В свое время сибирские города в полной мере выполнили свое предназначение созидающих и объединяющих Сибирь и Россию центров.

В постсоветской историографии на волне критического отношения к советскому научному наследию возродилась концепция о Сибири как отсталой колонии, эксплуатируемой Россией, в которой города упоминаются в качестве военно-административных пунктов и не рассматриваются как очаги и факторы цивилизации. Понятно почему: серьёзное, глубокое изучение сибирского города неизбежно приводит к выводу о его определяющей роли в обустройстве и перспективном развитии Сибири, что рушит теорию о невозможности цивилизовать этот необъятный запредельно далёкий край [68. С. 30–36; 69. С. 37–40; 70. С. 28–32; 71. С. 4–7; 72. С. 86–88; 73. С. 6–16; и др.].

Неправильная оценка социально-экономического и культурного уровня развития русских городов Сибири ведёт к обесцениванию созидательного потенциала колонизационного процесса в целом. Давно устаревшие стереотипы, втискивающие сибирский город в тесные рамки военной крепости с административно-ясачными функциями, которые всё ещё встречаются в литературе [см., например, 74. С. 355], должны быть пересмотрены.

Основные положения по сибирской колонизации были высказаны дореволюционной наукой и получили дальнейшее развитие и огромную доказательную базу в советской и постсоветской историографии [75; 76; 77; 78. С. 95–140; 79. С. 85–91; 80. С. 147–156; 81; 82; 83. С. 85–91; 84; 85; 86. 137–151; 87; 88. С. 39–58; 89. С. 4–13; 90. С. 3–93; 91. С. 376–384; 92; 93. С. 57–73; 94; 95. С. 37–47; 96; 97. С. 44–47; 98. С. 150–186; 99. С. 206–208; 100. С. 129–143; 101. С. 45–53; 34. С. 152–158; 102. С. 24–30; 103. С. 54–59; 104. С. 5, 32–53, 61; 105. С. 15–37; 106. С. 158; и др.].

В истории России колонизация имела (имеет) громадное значение и является постоянно действующим фактором. Русское государство росло и развивалось при непрерывном колонизационном процессе, самое непосредственное и активное участие в котором принимал русский народ, по определению Т.Б. Щепанской, «движущийся этнос с самосознанием оседлого» [107. С. 103]. Государственные и народные интересы в освоении новых земель совпадали. Государство стратегически было нацелено на интеграцию края в экономическую и культурную жизнь страны и ее политическую систему, что увеличивало его геополитический потенциал. Народ шел в Сибирь за землей и волей.

Государственная и стихийная (вольнонародная) составляющие колонизации, дополняя и взаимодействуя друг с другом, сливались в единый деятельный поток. Главным в вольнонародном переселении, при всей значимости и яркости промысловой колонизации, был земледельческий интерес. Исследователи, обобщившие огромный аграрный переселенческий опыт, пришли к выводу о том, что основой колонизации было земледельческое освоение, которому не помешала нерешенность Россией главного, по мнению Ш.Ф. Мухамедьярова, вопроса – частной собственности на землю, что давно сделано в Западной Европе [72. С. 87]. Не восприняв чужих стандартов, Рос-

сия пошла своим путем и весьма преуспела, освоив в феноменально короткие сроки почти 10 млн кв. км земли.

Право верховной собственности на свободные земли, в том числе сибирские, в России принадлежало государству. Однако это не препятствовало переселению и заселению, на государевых землях было где развернуться, осуществляя трудовое право владения по заимочно-захватной и общинно-захватной форме землепользования. Наличие в крае огромного фонда земель, не освоенных под аграрное производство, отсутствие помещичьего хозяйства и крепостного права создавали мощный стимул к земледельческой колонизации и обусловили массовый приток переселенцев. Правительство использовало свой ресурс, не ограничиваясь наказами о заведении пашен, широко практиковало закрепление за служилыми людьми земельных участков, оказывало организационную и денежную помощь переселенцам, практиковало насильственный перевод крестьян в Сибирь и ссылку на пашню преступников. Уже с конца XVI в. – начала XVII в. земледельческие оазисы стали возникать вокруг основанных городов, которые, как говорилось, были первыми проводниками аграрной политики. Очаговое земледельческое расселение, группировавшееся около городов, с ростом сельских округ постепенно сливалось в полосу сплошного расселения.

Российское правительство, ни в коей мере не отказываясь от своей верховной власти над сибирскими землями и от права распоряжения ими, что гарантировало интересы казны, будучи заинтересованным в сельскохозяйственном освоении края, проводило гибкую и дальновидную политику. До конца XVII в. отработочная рента оставалась господствующей формой ренты в Сибири, а десятинная пашня – основной формой тягла, но на протяжении столетия происходило снижение объема тягловых поземельных обязательств, практически не было препятствий к частичной или полной передаче тягла другому лицу, отсутствовало личное прикрепление к наделу и сохранялось право передвижения, что позволяло сибирскому крестьянину изменить свое социальное положение – перейти в захребетники или в гулящие люди, стать служилым или посадским. Возможность смены статуса существовала и у других социальных слоев: гулящий человек, перебогавшийся случайными заработками, переходил в казаки, пленный рядовой «литвин» при наличии военных способностей занимал командную должность и вливался в ряды местной аристократии – боярских детей, встречались случаи, когда казаки просили о переводе их в крестьяне. Подобная практика способствовала снижению социальных напряжений, реализуя до известной степени стремление к воле.

Народный вариант православия в среде русских сибиряков, в котором обнаруживалась живучесть глубинного политеистического пласта, и двоеверия среди нерусских сибиряков с очевидным доминированием языческих представлений, был, по сути, признаком свободы, права выбора веры, обрядов. Право выбора и пользования распространялось также на ношение иностранного и языческого имени, причём не только в быту, но и в официальной обстановке. Противодействия со стороны воеводских властей и церкви это не вызывало, тем более, что на Руси с давних времён существовала устойчи-

вая традиция наличия двух имён – православного и языческого, с чем приходилось мириться [108. С. 16, 17]. Подобная демонстрация своей национальной принадлежности в преобладающем иноэтничном окружении возможна, когда это последнее отличается национальной и религиозной терпимостью и уживчивостью.

Полиэтническая и поликультурная среда способствовала формированию определенной терпимости, уважению к иной культуре при том, что русский этнос оставался доминирующим. Это принципиально отличает сибирскую колонизацию от американского фронта, понимаемого не просто как «движущаяся граница», но как «встреча дикости и цивилизации». Эта формула предполагает неизбежное столкновение двух миров, в котором для «диких» индейцев не оставалось положительной исторической перспективы. Отношение к «краснокожим» как к дикарям снимало с носителей «цивилизации», считавших себя избранныками Бога, нравственные запреты и породило определенный алгоритм поведения – физического, экономического, культурного уничтожения индейцев.

В свете определения колонизации, данного во французской энциклопедии Ларусса, как прежде всего «качества международных отношений», которые наполняют своим содержанием «все области человеческой деятельности: экономику, общественную жизнь, культуру и политику» [цит. по: 109. С. 173], Россия выглядит весьма достойно.

Археологические исследования русских поселений Сибири, точкой отсчёта которых можно считать раскопки промысловых стоянок на о. Фаддея и в заливе Симса [110; 111], продолжают свыше 60 лет. Сейчас можно говорить о формировании нового направления сибиреведения – археологического городоведения [112. С. 482–515]. Совокупные результаты более чем полувековых исследований создали историко-источниковедческую базу для важных выводов.

В археологическом отражении русские города Сибири раскрывают своё внутреннее содержание, предъявляя разнообразные свидетельства своей многоплановой деятельности. Практически на всех раскопанных поселениях представлены многочисленные остатки сельскохозяйственных, ремесленных, промысловых занятий.

Археологи пришли к важным историческим выводам относительно русской гончарной керамики, о её местном, а не только привозном характере, о городах как ремесленных центрах со сравнительно высокой технологией керамического производства, продолжающей традиции Европейской России, откуда продукция распространялась в сельскую округу; о домашнем изготовлении глиняной посуды в сёлах, отличающейся техническими характеристиками и орнаментацией; о производстве русскими мастерами сосудов на заказ для аборигенного населения [113. С. 138–154; 114. С. 165–170; 115. С. 124–131; 116. С. 37–39; 117. С. 393–395; 118. С. 20–221; 119. С. 101; 120. С. 102–114; 121. С. 394–399; 122. С. 166–168; 123. С. 117–120; 124. С. 175–181; 125. С. 269–272; 126. С. 100–102; 127; 128. С. 208–209; 129. С. 17–34]. Возможности современного анализа керамики с помощью спектрального, бинокулярного методов, указывающих на использование местного сырья,

позволяют говорить о местном характере гончарства не предположительно, а утвердительно как о научно доказанном факте.

Вместе с остатками керамического производства, раскопки городов и острогов дали массовые материальные свидетельства о налаживании и развитии железоделательного, кузнечного, литейного, сапожно-кожевенного, косторезного ремёсел. Несколько менее представлено стеклотдувное, ювелирное дело, деревообработка, изготовление простых саржевых и полотняных тканей, плетёных, вязаных, берестяных изделий. Степень развития последних производств, возможно, была меньшей и не везде поднималась до уровня ремесла, что отразилось в объёме ископаемых источников [130. С. 33–37; 116. С. 24–37; 131; 119. С. 102–103; 132; 133. С. 117–131].

Массив остеологических, ихтиологических данных, находки промышленного снаряжения свидетельствуют о занятиях скотоводством, птицеводством, охотой, рыболовством, роль которых была большей или меньшей в разных широтах, но они обязательно присутствовали в хозяйственной деятельности горожан. Разводили свиней, крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, собак использовали на охоте, в качестве тягловой силы и, видимо, для охраны дома и имущества. Мангазейские материалы зафиксировали даже факт содержания кошек. Из домашней птицы разводили кур, гусей и уток. По двору верхотурского воеводы расхаживал павлин, поддерживая авторитет и престиж местной власти. Охота была отнюдь не только пушной, но и в определённой степени мясной. Обилен был и рыбный стол сибирского горожанина, на котором присутствовали разные породы рыб, в том числе ценные (осётр, нельма, стерлядь, муксун, сырок) [130. С. 41–45, 55–58; 113. С. 128–137; 134. С. 29–33; 116. С. 74–78, 83–87; 135. С. 105–112; 136. 73–75; 137. С. 81–91; 138. С. 488–492; 139. С. 118–123; 140. С. 113–124; 141. С. 418–420; 142. 102–103; 143. С. 66–67].

Археологический материал заставляет исследователей отказаться от прямолинейного суждения о хозяйственном окультуривании русских сибирскими инородцами в области охоты и рыболовства. На первых порах знания о путях миграции животных, основных мест нереста русские получали от аборигенов, но способы добычи зверя и рыбы были принесены «с Руси». Часть этих приёмов и орудий, например, давящие ловушки типа пасти, сложносоставные луки, капканы, невод и др., настолько давно и прочно заимствовались инородцы, что им стали приписывать происхождение ловчих приёмов и предметов снаряжения, авторство которых на самом деле принадлежит русским. Охота и рыболовство у русских занимали другое, чем у аборигенного населения, положение в общей структуре хозяйственной деятельности, удовлетворяя не только собственные потребности, но имея товарный характер. Безусловно, взаимодействия присутствовали, в частности, активное внедрение русскими вялено-сушёной заготовки рыбы, дополняющей традиционные для русской кухни термические способы обработки [116. С. 74; 144. С. 40, 41, 134, 135; 145. 334–342; 146. 41, 45; 147. С. 155, 156; и др.]. В целом, русская охота и рыболовство вполне традиционны и самостоятельны. Изучение русских археологических памятников в Сибири и в Европейской России создаёт в этом отношении надёжную доказательную базу в

широком пространственно-временном диапазоне. Анализ этнографических материалов также позволяет сделать обобщающий вывод об устойчивости русской этнической культуры в новых для неё условиях, приспособление к которым происходило, главным образом, на базе культурного потенциала, наработанного на исторической родине [148. С. 73–82].

В разнообразном множестве археологических источников сибирские города предстают именно как русские города. Изучая материальную культуру русских XVII–XVIII вв. в Сибири, мы изучаем общерусскую культуру не потому, что подавляющее большинство бытовых предметов тогда были привозными, как считал А.Р. Артемьев [149. С. 12]. Ведь значительное присутствие русского импорта в аборигенных памятниках не изменило их этнического облика и содержания. Русские несли навыки своей социальной, хозяйственной, бытовой, духовной, досуговой культуры, укоренение и адаптация которой в сибирском крае совершались на своей этнической культурной основе. Среди переселенцев были представители других славянских и не славянских народов, о чём имеется немало письменных свидетельств. Но в археологическом материале их присутствие практически не отражено, поскольку иноэтничные и инокультурные элементы поглощались русской средой и культурой. Важные и нужные для воссоздания исторической картины прошлого частности в археологическом контексте сглаживаются, растворяются, зато предметно и выпукло выступает суть процессов и явлений. Археология объективно и конкретно выявляет русскую природу сибирского города и его созидательную роль в преобразении громадного региона.

Успехи русской археологии внесли важный вклад в изменение отношения к русским, как к этносу, давно ставшему коренным не менее, чем малые аборигенные народы, и который, по выражению С.В. Бахрушина, «трудом и культурой» осваивал Сибирь.

Исследуя ископаемый русский город Сибири, который являлся двигателем исконных культурных традиций и фактором цивилизационного преобразования края, поздняя археология обнаруживает два важнейших своих качества. Во-первых, погружая нас в подлинный материальный мир эпохи освоения нашими предками Сибири, выступает как «национальная археология», помогая в процессе самопознания и самоидентификации, что делает «науку о древности» остросовременной. Во-вторых, раскрывая историческую подоплёку событий и процессов, скрытую в овеществлённых остатках прошлого, археология обнажает свою историческую сущность.

Русское заселение Сибири стало особым, ярчайшим этапом расширения русской этнической территории и распространения русской этнической культуры. Ни русская народность, ни ее культура отнюдь не потерялись в Сибири. Вливание в общий поток колонизации культурных традиций и особенностей, присущих различным регионам России, а также иноэтничных и инокультурных элементов, действие природно-географического фактора обусловили своеобразие сибирской культуры, придали ей характер локального (а точнее регионального. – М.Ч.) варианта единого целого – общерусской культуры [150. С. 3–7; 89. С. 6, 8]. В этом процессе не потерялись и малые народы, вовлеченные в орбиту русского государства через администра-

тивно-политические, экономические, культурно-идеологические, бытовые связи и сохранившие свою культуру.

Россия не стала «цивилизацией в европейском смысле слова», она создала свою цивилизацию. Присоединив Сибирский суперрегион, Россия расширила свою территорию до евразийских масштабов и приумножила своё могущество. В становлении, развитии, укреплении русско-сибирской цивилизации ключевую роль сыграли города – своего рода локомотивы колонизации, посредством которых была открыта новая эпоха в истории Сибири и России.

Литература

1. Резун Д.Я. К истории изучения сибирского города XVII в. в русской дореволюционной исторической науке (к постановке вопроса) // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск: Наука, 1978. С. 143–163.
2. Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. Новосибирск: Наука, 1982а. 221 с.
3. Резун Д.Я. О работе Г.Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в. // Древнерусская рукописная книга и её бытование в Сибири. Новосибирск, 1982б. С. 142–247.
4. Резун Д.Я. Современная урбанистика и сибирское городоведение XVIII – первой половины XIX в. // Источниковедение и история городов Сибири конца XVI – первой половины XIX в. Новосибирск: Наука, 1987а. С. 222–247.
5. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Т. 1–4. М., 1895–1901.
6. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков: Б. и., 1889. 345 с.
7. Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645. Харьков: Б. и., 1893а. 28 с.
8. Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645). Харьков: Б. и., 1893б. 66 с.
9. Головачёв П.М. Томск в XVII веке: Материалы для истории города. Томск: Б. и., 1910. 169 с.
10. Вилков О.Н. Очерки социально-политического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 368 с.
11. История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. 538 с.
12. Бояришинова З.Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1953. Вып. 3. С. 2–48.
13. Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI – середина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1982. 133 с.
14. Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1984. 179 с.
15. Памятники быта и хозяйственного освоения Сибири: Сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 1989. 192 с.
16. Обменные операции городов Сибири периода феодализма: Сб. науч. тр. Новосибирск: Б. и., 1990. 183 с.
17. Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. Новосибирск: Наука, 1991. 144 с.
18. Города Сибири. Экономика, управление и культура городов Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1974. 300 с.
19. История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX века): Сб. ст. Новосибирск: Наука, 1977. 303 с.
20. Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск: Наука, 1978. 336 с.
21. Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск: Наука, 1981. 222 с.
22. Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX в. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.
23. Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1987. 237 с.
24. Миллер Г.Ф. История Сибири. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. Т. 1. 607 с.

25. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. Т. 2. 638 с.
26. *Головачёв П.М.* Ближайшие задачи исторического изучения Сибири // ЖМНП. 1902. № 9. С. 49–68.
27. *Головачёв П.М.* Желательный тип сборников материалов для сибирских городов XVII в. М., 1903. 263 с.
28. *Головачёв П.М.* Очерк заселения Сибири. СПб.: Б. и., 1906. 44 с.
29. *Сергеев В.И.* Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 113–123.
30. *Сергеев В.И.* Основание городов Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1962. 15 с.
31. *Вилков О.Н.* Сибирский город конца XVII – первой четверти XVIII века в современной русской советской историографии // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1: Сибирь в эпоху феодализма и капитализма. С. 39–42.
32. *Вилков О.Н., Башкатова З.В.* Общее и особенное в возникновении и развитии городов Сибири конца XVI – начала XVIII в. // Феодализм в России. М.: Наука, 1985. С. 132–143.
33. *Квецинская Т.Е.* Город Верхотурье в XVII – начале XVIII в. в отечественной историографии // Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1984. С. 61–70.
34. *Люцидарская А.А.* Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири: История и культура. Новосибирск: Наука, 1997. С. 152–158.
35. *Резун Д.Я.* К характеристике документов приказного делопроизводства как источника по историографии сибирского города XVII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1977. С. 11–26.
36. *Резун Д.Я.* Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII в. // ВИ. 1979. № 10. С. 172–176.
37. *Резун Д.Я.* Русские в Среднем Причулымье в XVII–XIX вв.: (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск: Наука, 1984. 187 с.
38. *Волков М.Я.* Города Европейской России во второй половине XVII – начале XVIII века // Город и горожане России в XVII – первой половине XIX века. М., 1991. С. 25–46.
39. *Карлов В.В.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город. М.: Изд-во МГУ, 1980. Вып. 3. С. 66–83.
40. *Малый город.* Социально-демографическое исследование небольшого города. М.: Изд-во МГУ, 1972. 272 с.
41. *Преображенский А.А.* Город, деревня и государственная власть в России в XVII–XVIII вв. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск: УНЦ Акад. наук СССР, 1986. С. 3–13.
42. *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978 а. 329 с.
43. *Рабинович М.Г.* К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) // СЭ. 1983. № 3. С. 19–24.
44. *Размустова Т.О.* Город как культурно-исторический организм (опыт методологических подходов) // Проблемы культуры городов России. Омск: Сиб. филиал Рос. ин-та культурологии, 1996. Ч. 1. С. 12–16.
45. *Артемов А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в.: (Историко-археологические исследования): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток: Б. и., 1997. 60 с.
46. *Курилов В.Н.* Участие служилых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. // Города Сибири: (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск: Наука, 1974. С. 76–86.
47. *Леонтьева Г.А.* Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII – начале XVIII в. // Города Сибири: (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск: Наука, 1978. С. 76–94.
48. *Леонтьева Г.А.* Застройка Тюмени и ее государственное обеспечение в конце XVI – начале XVIII в. // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 54–69.

49. *Люцидарская А.А.* К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска второй половины XVII в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск: Наука, 1978. С. 65–76.
50. *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки (XVII – начало XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1992. 197 с.
51. *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск: Наука, 1988. 155 с.
52. *Горюшкин Л.М., Миненко Н.А.* Историография Сибири досоветского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 317 с.
53. *Квецинская Т.Е.* Хлебная торговля г. Верхотурья в XVII в. // Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1987. С. 68–85.
54. *Курилов В.Н.* О некоторых закономерностях развития сибирского города XVII в. // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск: Наука, 1981. С. 109–119.
55. *Рабинович М.Г.* О земледелии в русском феодальном городе // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978б. С. 129–132.
56. *Рабинович М.Г.* Город и традиционная народная культура // СЭ. 1980. № 4. С. 12–24.
57. *Сахаров А.М.* Ремесленное производство в городах Северо-восточной Руси XIV – XV веков // ВИ. 1955. № 4. С. 59–71.
58. *Кочедамов В.И.* Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. 190 с.
59. *Резун Д.Я.* Слободы как протогорода Сибири // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Барнаул, 2005. С. 71–92.
60. *Носов Е.Н.* Происхождение первых городов Северной Руси // Феодальная Россия (новые исследования). СПб., 1993. С. 5–10.
61. *Янин В.Л., Носов Е.Н.* Археологическое изучение городов Северной Руси: (итоги, перспективы) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. 1. С. 91–93.
62. *Воронин Н.Н.* К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 9–13.
63. *Карлов В.В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху Средневековья: (к постановке вопроса) // Русский город. М.: Изд-во МГУ, 1976. Вып. 2. С. 32–69.
64. *Оборин В.А.* Некоторые вопросы археологического изучения уральских городов XVI–XVII вв. // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 264–270.
65. *Оборин В.А.* Использование русским населением в XV–XVII веках поселений нерусского населения на Урале // Древности Волгокамья. Казань, 1977. С. 119–126.
66. *Рабинович М.Г.* К типологии восточнославянских городов (средневековая Москва и города Московского княжества) // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 39–43.
67. *Новомбергский Н.Я.* В поисках за материалами по истории Сибири. СПб.: Б. и., 1906. Разд. 2: Сибирские города на исходе XVII века. С. 20–36.
68. *Агеев А.Д.* Американский «фронт» и сибирский «рубез» как факторы цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронт. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 30–36.
69. *Белаш Н.Ю.* Образ фронта в США и России // Американский и сибирский фронт. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 37–40.
70. *Измайлов И.* Счёты и просчёты имперских историков // Родина. 1994. № 8. С. 28–32.
71. *Казаркин А.П.* Регионализм – перекрёсток мнений // Сибирь в контексте мировой культуры: Опыт самоописания: Кол. моногр. / Б.Ф. Егоров, Н.В. Моравский, В.М. Кулемзин и др. Томск: Сибирика, С. 4–7.
72. *Мухамедьяров Ш.Ф.* К проблеме «географического фактора» как препятствия на пути цивилизации России (заселение русскими Сибири) // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симпозиума «Культурное наследие городов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2000. С. 86–88.
73. *Шиловский М.В.* К вопросу о колониальном положении Сибири в составе Русского государства // Европейские исследования в Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. Вып. 3. С. 6–16.
74. *Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города.* Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 238 с.
75. *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 226 с.

76. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 432 с.
77. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск: Иркутск. обл. гос. изд-во, 1949. Т. 1. 596 с.
78. Бояришинова З.Я. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII веке // Вопросы географии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1951. Вып. 2. С. 95–140.
79. Бояришинова З.Я. Опыт и традиции первых русских земледельцев Сибири (XVII в.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1953а. Вып. 9. С. 85–91.
80. Бояришинова З.Я. К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству // Труды / Том. гос. ун-т. Сер. соц.-экон. и ист. наук. 1957. Т. 136. С. 147–156.
81. Бояришинова З.Я. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства феодальной эпохи // Проблемы истории советского общества Сибири. Новосибирск, 1970. Вып. 2: История крестьянства Сибири досоветского периода. С. 95–140.
82. Бояришинова З.Я. Заселение Сибири русскими в XVI – первой половине XIX в. // Итоги и задачи изучения Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1971. С. 40–56.
83. Бояришинова З.Я. Опыт и традиции первых русских земледельцев Сибири (XVII в.) // Вопросы истории Сибири. Вып. 9. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. С. 85–91.
84. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3, ч. 1: Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во Акад. наук, 1955. 376 с.
85. Сафронов Ф.Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илим в XVII веке. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1956. 207 с.
86. Колесников А.А. Из истории заселения Среднего Прииртышья // Известия Омского отдела ГО СССР. 1963. Вып. 5 (12). С. 137–151.
87. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.
88. Александров В.А. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII век) // ВИ. 1973. № 8. С. 39–58.
89. Александров В.А. Кто мы, русские? // Русские: Историко-этнографические очерки. М., 1997. С. 4–13.
90. Кондрашенков А.А. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII веках // Учёные записки / Курган. гос. пед. ин-т. 1964. Вып. 6. С. 3–93.
91. Преображенский А.А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М.: Наука, 1976. С. 376–384.
92. Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1979. 227 с.
93. Литинская В.А. Русские сельские поселения Сибири // Этнография русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX в.). М.: Наука, 1981. С. 57–267.
94. Островская Л.В. Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири (народный вариант православия) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 135–150.
95. Горюшкин Л.М. Место Сибири в составе капитализма // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С. 37–50.
96. Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М., 1990. 144 с.
97. Главацкая Е.М. Власть и «сибирские инородцы» в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994. С. 44–47.
98. Главацкая Е.М. Христианское освоение Обдорского края (XVII – начало XX в.) // Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). Салехард; Екатеринбург: Банк культуры. информации, 2005. С. 150–186.
99. Чёрная М.П. Историко-археологическая оценка русской колонизации Сибири // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск, 1995. С. 206–208.
100. Чёрная М.П. Проблемы русской колонизации и христианизации Сибири (опыт комплексного анализа) // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 129–143.

101. *Жеравина А.Г.* Особенности заселения и сельскохозяйственного освоения Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. // Американский и сибирский фронтир. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 45–53.
102. *Миненко Н.А.* Урал и Сибирь конца XVI – первой половины XIX в. в новейшей отечественной историографии // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сиб.-урал. ист. конгресса 25–27 нояб., 1997 г. Тобольск, 1997. С. 24–30.
103. *Никулин П.Ф.* Особенности аграрной колонизации Сибири и Северной Америки во второй половине XIX – начале XX в. // Американский и сибирский фронтир. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 54–59.
104. *Русские: Этнотерритория, расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.).* М.: Народы и культуры, 1999. Т. 1. 188 с.
105. *Шелегина О.Н.* Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в. М.: Логос, 2002. Вып. 2. 160 с.
106. *Шелегина О.Н.* Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 3 (21). С. 151–158.
107. *Щепанская Т.Б.* Культура дороги на Русском Севере // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб.: Наука, 1992. С. 102–126.
108. *Люцидарская А.А.* Имена собственные как источник изучения социальных и духовных процессов общества (сибиряки-старожилы: XVII – начала XVIII в.) // Русский вопрос: История и современность. Омск, 1994. Ч. 2. С. 14–18.
109. *Резун Д.Я.* Современные энциклопедии Франции как источники зарубежных представлений об истории Сибири // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск: Наука, 1987б. С. 168–174.
110. *Окладников А.П.* Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 158 с.
111. *Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.: (Археологические находки на о. Фаддея и на берегу залива Симса).* Л.: Изд-во Главсевморпути, 1951. С. 147–152.
112. *Чёрная М.П.* Русская археология как новое направление в сибиреведении // Московская Русью проблемы археологии и истории архитектуры. М.: ИА РАН, 2008. С. 482–515.
113. *Артёмьев А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток: Б. и., 1999. 336 с.
114. *Артёмьев А.Р., Артёмьева Н.Г.* Керамика Албазинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – начале XIX в.: Историко-археологические исследования. Владивосток: ДВО РАН, 1992. Т. 1. С. 165–170.
115. *Артёмьева Н.Г.* Керамика Нерчинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. Владивосток: ДВО РАН, 1995. Т. 2. С. 124–131.
116. *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея. М.: Наука, 1981. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. 147 с.
117. *Воробьёв А.А.* Об одном из вопросов изучения славянской керамики азиатской части России // Культура и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2002 а. С. 393–395.
118. *Воробьёв А.А., Троицкая Т.Н.* Сосуды в погребальном обряде русского населения Западной Сибири (по материалам Новосибирской области) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы VI Всерос. науч. семинара. М.; Омск, 1999. С. 219–221.
119. *Визгалов Г.П.* Хозяйство и занятия посадского населения Мангазеи (по материалам раскопок 2001–2004 гг.) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2005. С. 97–105.
120. *Мельников Б.В.* К проблеме изучения посуды археологических памятников Западной Сибири XVI–XVIII вв. // Вопросы истории исследования и историографии археологии Западной Сибири. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ин-та, 1992. С. 102–114.
121. *Мельников Б.В.* Характеристика гончарной керамики археологических памятников Урала и Сибири (XVI–XVIII вв.) // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симпозиума «Культура»

турное наследие городов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2000. С. 394–399.

122. *Молодин В.И., Новиков А.В.* Некоторые технологические аспекты керамики Илимского острога // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск, 1989. С. 166–168.

123. *Николаева И.Б.* Раскопки на территории бывшего красноярского острога // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1963. С. 115–123.

124. *Новиков А.В.* Гончарное производство Усть-Тартасского форпоста // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск: Наука, 1990. С. 175–181.

125. *Овсянников О.В.* О керамике древней Мангазеи // Проблема археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 269–272.

126. *Татаурова Л.В.* Некоторые итоги изучения керамики этнографо-археологического комплекса // История и культура Сибири. Омск, 1996. С. 100–102.

127. *Татаурова Л.В.* Заметки об использовании глиняной посуды русскими в XVII–XX вв. // Русский вопрос: История и современность. Омск, 2000.

128. *Троицкая Т.Н., Воробьев А.А.* Орнаментированная русская керамика с памятников Новосибирской области // Интеграция археологических и этнографических исследований. М.; Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. С. 208–209.

129. *Ширин Ю.В.* Керамика XVIII века из деревень в окрестностях Кузнецка // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. Вып. 5. С. 17–34.

130. *Алексеев А.Н.* Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии СО РАН, 1996. 152 с.

131. *Васильевский Р.С., Молодин В.И., Седякина Е.Ф.* Исследования Илимского острога // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука, 1978. С. 215–232.

132. *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: Новые археологические исследования (материалы 2001 – 2004). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

133. *Текстиль Мангазеи (начало XVII века) / Г.П. Визгалов, С.Г. Пархимович, Т.Н. Глушкова и др.* // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1 (25). С. 117–131.

134. *Артемов А.Р.* Охота и рыболовство русского населения в Забайкалье и Приамурье во второй половине XVII – XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2002. С. 29–33.

135. *Косинцев П.А., Лобанова Т.В.* Животноводство в хозяйстве населения Мангазеи // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2005. С. 105–112.

136. *Косинцев П.А.* Костные остатки из города Мангазея // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2002. С. 73–75.

137. *Косинцев П.А., Подопригора И.Н.* Домашние животные Верхотурья // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург: Банк культурн. информации, 1998. С. 81–91.

138. *Косинцев П.А., Чёрная М.П.* Костные остатки животных из Томского кремля // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2000. С. 488–492.

139. *Кудрин А.Ю.* Новые материалы о развитии рыболовного промысла у русского населения Забайкалья и Приамурья в XVII–XVIII вв. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. Владивосток: ДВО РАН, 1995. Т. 2. С. 118–123.

140. *Некрасов А.Е.* Кухонные остатки костей птиц и рыб из Верхотурского кремля // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург: Банк культурн. информации, 1998. С. 113–124.

141. *Татауров С.Ф.* Хозяйственные занятия русских Среднего Прииртышья // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симпозиума «Культурное наследие городов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2000. С. 418–420.

142. *Чёрная М.П.* Томская крепость по археологическим данным // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. Владивосток: ДВО РАН, 1992 а. Т. 1. С. 85–104.

143. *Чёрная М.П.* Естественнонаучный анализ археологических источников по средневековому Томску // Археолого-этнографические исследования в южнотаёжной зоне Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 65–67.
144. *Визгалов Г.П.* Мангазея – первый русский город в сибирском Заполярье (по материалам новых археологических исследований): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. 309 с.
145. *Салмина Е.В.* Рыболовство средневекового Пскова по данным археологии // Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. М.: Фонд археологии, 1997. Т. 2: Славянский средневековый город. С. 334–342.
146. *Скобелев С.Г.* Развитие хозяйства местного населения Среднего Енисея // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994. Вып. 2. С. 34–46.
147. *Татауров С.Ф.* Русские в Тарском Прииртышье // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2002. С. 153–157.
148. *Рындина О.М.* Традиция и новация в системе жизнеобеспечения русских Нарымского края // Археолого-этнографические исследования в южнотаёжной зоне Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 73–82.
149. *Артемьев А.Р.* Основные направления археологических исследований памятников истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2005. С. 7–28.
150. *Александров В.А.* Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX в. М.: Наука, 1981. Введение. С. 3–7.